

ЗА ЕЕ ШКУРУ НАЗНАЧЕНА ЦЕНА.
ЗА ИХ ДУШИ — ТОЖЕ

ХМАРЬ

РОББИ АРНОТТ

Робби Арнотт
Хмарь
Серия «Терра инкогнита
(Азбука-Аттикус)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74014747

Хмарь: Москва; 2026

ISBN 978-5-389-33258-4

Аннотация

Близнецы Айрис и Флойд Реншоу, потомки ссыльных английских каторжников, живут в отдаленных районах Тасмании, тщетно пытаясь свести концы с концами. От случайных знакомых они узнают о щедром вознаграждении за голову пумы по прозвищу Хмарь. Когда-то эти хищники были завезены сюда для истребления чересчур размножившихся оленей, а ныне последняя оставшаяся в здешних местах пума терроризирует местность, убивая овец и людей. Не имея ни оружия, ни четкого плана, брат и сестра отправляются в суровые и мистические высокогорья. Но там их противостояние с дикой природой переживает нечто большее, чем простая охота, заставляя столкнуться как с древними тайнами этой земли, так и с собственным темным прошлым. Грань между охотником и жертвой все больше стирается, а хищническая жадность людей оказывается не менее опасной, чем инстинкты дикого животного.

Роман Робби Арнотта, одного из самых ярких современных австралийских писателей, сочетает в себе элементы вестерна, триллера и магического реализма.

Содержание

1	6
2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Робби Арнотт

Хмарь

Посвящается Эмили

Robbie Arnott
DUSK

Copyright © Robert Arnott, 2024
All rights reserved

© П. А. Смирнов, перевод, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУ-КА», 2026

Издательство Иностранка®

1

Близнецы слышали, что в нагорье на пастухов стала нападать пума, и ни один из охотников, что пытался добыть эту тварь, не выжил. Пума убивала их, уволакивала в снега и съедала. За нее назначили награду. Приличную сумму. Вот и все, что слышали близнецы.

Они никогда не видали нагорий. Да и пум тоже в жизни не видали – в прибрежных и низинных лесах этот вид перевелся еще во времена их детства. И они не были уверены, что ходившая история правдива. Вполне возможно, что это просто слухи или охотничьи байки.

Но денег у них оставалось всего ничего. И работы не было – ни единого предложения. Зима шла к концу, близнецы пытались искать какие-то заказы, но никто не хотел связываться с ними. Несколько дней они размышляли над этой историей о пуме, все же надеясь, что найдется какое-нибудь дело. Когда так ничего и не подвернулось, они запаслись провизией и одеялами, а потом направили своих коней на запад, к безлесной высокогорной равнине.

Близнецы двигались к северному перевалу, через заросли акаций, которые уже начали покрываться первыми желтыми цветками. Сквозь ветви деревьев проглядывали небеса: этот божественный свет можно было счесть за счастливое знамение. Но когда они вышли на плато, перед ними открылось ис-

тинное лицо этой земли. Обширное пространство, усыпанное черными как смоль скалами и заросшее невысокой бурой травой, то тут, то там прорезанное подернутыми льдом озерами и слегка оживляемое рощицами невысоких деревьев. На северных склонах скал и холмов, словно обломки кораблекрушения, еще искрились на солнце оставшиеся редкие сугробы. На горизонте в ясное небо втыкались белые пики гор.

Первой шла сестра. Выйдя по тропе на гребень, она остановилась, чтобы оглядеть эту унылую землю, ощутить ее суть. Она засмотрелась и едва обратила внимание на брата, когда тот поравнялся с ней. Если ее взгляд скользил широко, охватывая общие очертания раскинувшихся перед ней просторов, то брат обращал внимание на мелочи, цепко замечая и впитывая подробности.

– Холодно, – она подняла воротник.

– Пожалуй, – с его губ при дыхании срывались облачка пара.

– И непривычно.

– Довольно непривычно.

Он сжал каблуками бока лошади. Животное двинулось по тропе, все дальше от края плато. Сестра последовала за ним, стараясь пытливо разглядывать камни и деревья, как это делал ее брат, а потом просто стала смотреть ему в спину. Она знала, что спина у брата слегка кривовата – в верхней одежде это мало заметно, но сестре было известно, на что обра-

щать внимание. Если приглядеться, то позвоночник уходил от копчика влево, а потом изгибался вправо на уровне легких. Одно бедро сидело в седле выше другого. Плечи отходили от толстой загорелой шеи под разными углами.

Спину брата она знала не хуже, чем свою собственную. Знала, что перекрученный позвоночник заставляет его хозяина страдать, наполняя болью мышцы. Знала, как от холода тело еще больше теряет гибкость.

Но если спина и беспокоила брата, то он никак этого не выказывал. Он сидел прямо, уверенно направляя коня вперед по неровной поверхности, и сестра почувствовала, что постепенно внутренне расслабляется. Она тоже откинулась назад в седле, отдавшись волнам этого странного мира. И по мере того как уходило напряжение, она начала по-иному воспринимать окружающий ее пейзаж. Увидела в этой земле жизнь. Увидела, что они не одни.

Сначала она заметила птиц. Яркие пятна перьев в ближайшей купе деревьев: белоглазки, крапивники, огнегрудые зарянки. Ближе к вершине, вцепившись в ветви когтями, сидела стая черных какаду, ковыряя шишки острыми, как клинки, клювами и деловито помахивая желтыми перьями хвостов. Высоко над ними пара черных, как смерть, орлов невозмутимо описывала круги среди редких облаков.

Она удивилась, что не заметила всю эту жизнь сразу. Не появились ли у нее проблемы со зрением? Не теряет ли она сноровку? Потом стала различать в траве мохнатые головы

длинноухих зайцев, с настороженным удивлением разглядывавших всадников. Поодаль высился одинокий кенгуру, серый и спокойный.

А потом вдаль на равнине показалось стадо оленей. Они ступали мягко, почти невесомо и казались не вполне реальными, призрачными в разреженном воздухе. Они остановились посмотреть на близнецов, а потом грациозно ускакали по камням, по снегу и скрылись из вида.

Близнецов звали Айрис и Флойд Реншоу, и им было по тридцать семь. Оба невысокого роста, но не коротышки, у обоих густые черные волосы и грубые загорелые лица. Такие лица – суровые, обветренные, иссушенные – были нередки среди людей в местах, где бушуют соленые ветра, хотя мало кому было известно, откуда родом эти двое. О них вообще почти ничего не было известно, кроме рода их занятий, да и в этом единого мнения не было. В зависимости от того, к кому обратиться с вопросом, их могли назвать поденщиками, охотниками, ворами, а то и кем похуже. Или просто бродягами. Они всегда и везде были проездом и никогда не задерживались надолго.

* * *

Весь день близнецы ехали по плато вглубь нагорья. Они не видели по пути ни изгородей, ни строений; не встречали других людей. Если они и пересекали какие-то границы, то

не замечали этого.

Айрис описывали эти места как суровые и пустынные. И хотя, глядя на острые утесы и необъятное небо, она понимала, откуда взялись эти описания, она не видела в них правды. Вместо суровости или мрачности она ощущала привольную, захватывающую дух открытость, отражавшуюся от твердых камней, вившуюся среди густых трав, петлявшую меж корявых деревьев, ниспадавшую с меловых склонов горных кражей, у подножья которых проезжали они с Флойдом. Живее всего она проявляла себя в мелких озерцах, внезапно попадавших среди скал. Их темная и блестящая поверхность напоминала зеркало. При виде такого озера она останавливалась, испытывая странный восторг от этой встречи. Айрис казалось, что можно просто войти в озеро, несмотря на щиплющий мороз, несмотря на заснеженные берега, и тебя примет теплая вода минерального источника.

А раз, продираясь через густую рощу, близнецы увидели не просто озерцо, а настоящее горное озеро: огромное, с отливавшей металлом поверхностью, нетронутой ветром и волнами. Вдоль его северного берега простиралась каменистая равнина, по которой они ехали, а с запада и юга озеро обрамляли невысокие заснеженные пики – те самые, которые они видели утром с края плато.

Айрис посмотрела на Флойда. Она искала любые следы того, что он испытывает то же, что и она. Но его лицо не выражало ничего. Усталые глаза. Плотно сжатые губы. Спина

одновременно выпрямлена и искривлена, если приглядеться. Если знать, на что обращать внимание.

Они объехали озеро вдоль берега по пляжу из кварцевого песка, крупного и светлого – скорее розоватого, чем белого. Солнце уже начало клониться к скалам, обрамлявшим воду. По мере того как оно опускалось ниже, вершины превращались в темные силуэты, а окружающие просторы окрашивались в ярко-желтые тона, постепенно тускневшие и угасавшие. Близнецы продолжали путь в полумраке, пока на дальнем конце озера они не заметили мерцание то ли фонаря, то ли костра.

Когда подъехали поближе, оказалось, что мерцающие огни принадлежат таверне. Айрис заметила, как тело Флойда наклонилось вперед в седле. Они уже выбирали место для лагеря, мечтая поставить палатку, а проснувшись утром – дышать озерным туманом, одни, без людского общества, без тревог и забот. Но возможность переночевать в уютной таверне была слишком соблазнительной.

Позади них в озере отразилась восходящая полная луна. В свете луны и отблеске ее отражения здание произвело на Айрис зловещее впечатление: казалось, таверну окружают погибшие деревья – стволы, лишённые ветвей и листьев, выбеленные временем или смертью. Толстые сучья склонялись над крышей и тянулись друг к другу симметричными скорбными дугами. Голые, изрытые оспинами – будто вырезанные из кости или вылепленные из алебаstra. Эти призраки де-

ревьев, сплотившиеся в безжизненную и жутковатую рощу, возвышались в ночи, маня близнецов ледяным сиянием, никак не вязавшимся с теплыми огнями таверны.

Они привязали лошадей в небольшой конюшне, расседлали их, почистили, накрыли попонами, дали по паре горстей овса, накидали в стойла сена, налили воды в поилки, похлопали по мордам, почесали и погладили покрытые жидкой шерстью уши, наклонились поближе к облачкам пара от их дыхания, чтобы беззвучно прошептать слова любви. Потом поправили пальто и шляпы и вошли в таверну.

Распахнув тяжелую дверь, они оказались в передней: латунные крюки на стенах, обшитых гладкими деревянными панелями; истертые от долгого пользования доски пола; выцветшие картины в потемневших рамах; дубовая лестница, ведущая на темный второй этаж. Дверь сбоку открылась, выпуская шум: звон стаканов, громкие голоса. Оттуда вышел невысокий усатый мужчина, кивнул им, приглушил шум, закрыв за собой дверь, и встал за деревянную стойку, накрытую отрезом зеленого бархата.

Он оценивающе посмотрел на близнецов и решил улыбнуться.

– Добро пожаловать в «Маленький приют».

Айрис положила ладонь на бархат и почувствовала, как мягкие ворсинки расступаются под ее пальцами: непривычная роскошь после нескольких дней на холоде.

Флойд рядом с ней шарил в кармане, поглядывая на лест-

ницу.

– Одна комната. Две кровати. Одна ночь.

– Запросто, – не переставая улыбаться, ответил мужчина и назвал цену.

Флойд отсчитал деньги и положил монеты на бархат, а потом взял ключ, который вручил ему мужчина.

– Комната номер пять. Умывальная – в конце коридора на верхнем этаже.

Айрис не могла понять, содержала ли эта фраза намек. Голос мужчины был слишком невыразительным, а лицо – бесстрастным.

Впрочем, Флойда это не беспокоило. Он начал подниматься по лестнице, но остановился, заметив, что сестра не последовала за ним. Айрис смотрела на дверь, из которой вышел усач, она чувствовала тягу ко всему, что находилось там: к залу, полному людей, разговоров, историй, которые не были ей знакомы, которые не имели к ней отношения, которые она могла бы узнать одна, никому не ведомая, без Флойда.

Айрис дотронулась до кармана, нащупывая сквозь ткань твердые края монет.

– Иди наверх. Я попробую что-нибудь узнать у местных.

Флойд что-то буркнул и медленно двинулся вверх по лестнице.

Айрис оторвала ладонь от бархата и направилась к двери. Она вошла в помещение с низким потолком, освещенное

мерцающими маленькими свечками и отсветом огня, плававшего в каменном очаге. От дыма свет приобретал сизый оттенок. На стенах были развешены самые разнообразные рога. Айрис вспомнила оленей, которые днем пробегали мимо них. Между рогами – снова пыльные картины. Вдоль всей комнаты тянулась барная стойка, за которой мужчины пили что-то вязкое и темное из щербатых стаканов. Еще одна группа стояла кружком возле очага. Вид у них был серьезный, но они молчали.

Айрис села. Она смотрела на кружок мужчин, пока усач не вошел следом за ней и, протиснувшись за стойку и откашлявшись, не спросил, будет ли она что-нибудь пить.

Айрис посмотрела на темную жидкость в стаканах других посетителей, на пятна на их губах, напоминавшие чернильные. Усач проследил за ее взглядом.

– Торфяное вино. Местный продукт.

– Ну... – она достала несколько монет. – Раз местный...

Пока бармен наливал напиток в мутный стакан, со стороны кружка мужчин послышался какой-то странный гул. Один из них вышел вперед, поднял руку с напитком – в отличие от сидевших за барной стойкой, они пили из оловянных кружек – и начал мычать низким голосом на одной ноте. Когда у него закончился воздух в легких, остальные подхватили этот звук, видоизменяя и усиливая его, а он сам запел. Простая и ритмичная, медленная и уверенная, его песня больше напоминала декламацию. В словах Айрис различила

что-то о путешествии, или о женщине, или, может быть, о друге (при этом женщины или друга уже явно не было в живых). В конце каждого куплета окружавшие мужчины повторяли последнюю строчку песни, словно эхо, унисоном барионов и теноров.

Закончив, певец занял свое место в круге. В комнате повисло молчание. Потом мужчина по левую руку от него вышел в центр и завел собственную песню, и все повторилось. Другая мелодия, но с теми же настроенями, поданная в такой же манере вопросов и ответов.

Их голоса пропитывали Айрис, проникая сквозь кожу, минуя слух. Она пила. Торфяное вино оказалось терпким, чуждым, наполненным вкусом дыма, соли и железа. Оно обжигало, как крепкий виски. Вязкая жидкость обволакивала язык и горло. Пульс Айрис замедлился, лицо покраснелось, и гудение, которым ее кровь отзывалась на пение, становилось все громче. И не то под общим действием вина и песен, не то из-за долгих часов, проведенных в обществе холодных гор и стылой воды, не то из-за не оставлявших ее воспоминаний о призрачной роще, окружающей таверну, не то потому, что она ненадолго осталась без Флойда, зная, что он в безопасности, не то из-за усталости в конце тяжелого дня, а может быть, и от всего этого вместе Айрис откинулась на спинку стула и ощутила тонкую, но неразрывную связь со всем, что было для нее ново, что было ярко и непривычно, чего она не понимала.

– Готовятся к охоте.

Голос донесся до Айрис, едва закончилась песня. Она посмотрела влево. У сидевшего в той стороне мужчины была короткая борода и волосы до плеч. Он был одет во фланелевое пальто. Он пил торфяное вино, не сводя глаз с хора.

Айрис сразу ощутила исходящее от него тепло. Кожей почувствовала. Она чуть двинула плечом, поворачиваясь к незнакомцу.

– Думаю, они убьют эту людоедку.

– Собираются попробовать.

– Невысоко оцениваете их шансы?

Он полуобернулся к ней.

– В первый раз здесь?

Айрис сделала глоток. Ей не понравилось, что ее так легко раскусили, но вино тут же смыло обиду. Она еле заметно кивнула.

Незнакомец улыбнулся, но мягко, без насмешки.

– И как вам здесь нравится?

Айрис вспомнила прошедший день, все, что она видела, чего касалась, мимо чего проезжала, все, что разбередило ей душу. Но в голове был сумбур, и она не находила слов, чтобы описать свои ощущения. Мысли без спросу блуждали по другим местам, где она бывала. Зверобойные факто-

рии на побережье, дурно пахнувшие и жестокие, где насилие было повседневностью. Лесопилки в тропических лесах, где густой полог растительности скрывал солнечный свет, где в темных ручьях ловились иссиня-черные раки, где во влажном воздухе висела пыль из мелких опилок, от которой першило в горле. Фермы в южных долинах, куда их с Флойдом нанимали забивать кувалдами молочных телят. Обширные речные устья на востоке, где они бросали сети с грузилами в чернильно-черные воды, вытаскивая целые стаи бьющихся лещей. Лагуны и болота, где они с зазубренными острогами охотились на черных лебедей. Островки у побережья, где деревья гнулись под напором ревущего ветра, против которого им приходилось грести, чтобы поучаствовать в сезонной охоте на буревестников, запуская руки в песчаные норы, где вместо тонкошеего птенца запросто мог оказаться клубок змей. Песчаниковые карьеры, где все работники поголовно страдали от силикоза. Молодые городки, полные людей и дыма. Все те места, пытавшиеся идти в ногу со временем, где жизнь кипела и лилась рекой, разгоняя кровь в жилах. И только когда в голове пронеслась мешанина прочих мест, она сумела сосредоточиться на их поездке через нагорье. Она промотала в памяти события дня. Вспомнила подъем по тропе среди акаций, дорогу по холодному плато, у подножья одиноких пиков, мимо неподвижных вод.

Моргнув, она поудобнее устроилась на стуле.

– Я такого не ожидала.

– Никто не ожидает. – Незнакомец сделал глоток.

Вперед вышел третий певец, и началась новая песня, на этот раз более громкая, чем две предыдущие, более задиристая, более зажигательная. Айрис и бородач повернулись к исполнителю и дослушали его до последней ноты.

Когда в зале снова стало тихо, мужчина поставил стакан и наклонился к ней.

– Это песни тех времен, когда на одну убитую кошку приходился один погибший человек. Думаю, они напоминают себе об опасности или пытаются воодушевить друг друга на великий подвиг. Все как обычно.

Айрис встретила эти слова молчанием и дослушала до конца еще одну песню. Прежде чем заговорить, она допила свою порцию и попросила налить еще.

– Там, откуда я родом, пум не осталось.

– Здесь, на нагорье, их тоже мало. Если верить слухам, то и вовсе одна. Та, за которую объявлена награда. Слишком хитрая, чтобы угодить в ловушку, и слишком злобная, чтобы дать себя убить. – Айрис заметила, как дрогнула его губа, когда он произносил имя зверя: – Хмарь.

По другую сторону барной стойки раздалось вежливое покашливание. Усач с вопросительным видом наполнял стакан Айрис.

– Мэм, вашему спутнику нужен ужин? Я могу отправить его в вашу комнату. Кухня закрывается через несколько минут.

Айрис кожей почувствовала, что бородач рядом с ней старательно делает вид, что его не интересует этот вопрос.

– Если бы моему брату было что-нибудь нужно, он бы попросил.

Усач, склонив голову набок, заткнул бутылку пробкой.

Айрис снова повернулась в сторону хора.

– Столько народу на одну кошку?

– Скотоводы предлагают такую щедрую награду, что им на всех хватит, – с безразличным видом ответил бородач. – Может быть, они думают, что вместе будет безопаснее. Или считают, что сила в численности.

Айрис собиралась задать еще вопрос, но ее перебил усатый, все еще стоявший за барной стойкой рядом с ними.

– В любом случае им это вряд ли поможет.

– Какое маловерие, – раздраженно обернулась к нему Айрис.

Усач пожал плечами.

– Уверен, они сильные. Уверен, они умеют стрелять. Но в это дело уже ввязывались охотники в десять раз лучше, чем они. Вы, возможно, слышали. Скотоводы выписали одного аж из Патагонии. Знаменитый следопыт! Легенда Анд! Когда он приехал, то сказал, что ему понадобится три дня, максимум – неделя, – бармен принялся протирать стакан полотенцем. – Это было больше месяца назад. С тех пор его никто не видел.

Похоже, усач был рад возможности поговорить, но, уви-

дев гневный взгляд Айрис, положил полотенце, поставил стакан на стойку и отошел.

Айрис посмотрела ему вслед. Когда она повернулась обратно, бородач уже встал. Он расправил плечи, и Айрис с удивлением поняла, насколько он высокий. С первого взгляда ей показалось, что он выше нее не больше чем на дюйм.

– Хмарь ведь убила уже пятерых, насколько я знаю, – сказал он. – Шестерых, если считать патагонца. Неудивительно, что эти ребята не собираются идти поодиночке. Патрик Лис, – решил он наконец представиться и протянул руку.

Она не сразу ответила на рукопожатие, желая сначала как следует рассмотреть собеседника, но не нашла в выражении его лица никакого подвоха или хитрости. Мгновение спустя она протянула руку в ответ:

– Айрис Реншоу.

Пожимая ладонь – пальцы толстые, пожатие осторожное, мозоли на тех же местах, что и у нее, – бородач поглядел через бар на меню, написанное на запыленной меловой доске.

– Есть хотите?

Айрис почувствовала в его словах приглашение. Ощутила солоноватый огонь торфяного вина в крови. Попыталась найти в голове ответ, чего же она хочет.

– Нет, я слишком устала, – она осушила стакан и встала. – Доброй ночи.

– Доброй ночи, – кивнул он в ответ.

Айрис медленно направилась к выходу, думая о его боль-

ших руках, аккуратной бороде и простоте речи. О силе, которую означала его крупная фигура. Но вспомнив еще кое о чем, она остановилась у самой двери.

– Что погубило деревья?

Патрик Лис все еще изучал меню. Она не знала, смотрел ли он, как она идет к выходу.

– Деревья?

– Те, что вокруг дома.

– А... – он наморщил лоб. – Это не деревья. Это кости. Говорят, древнее морское чудовище. «Маленький приют» стоит среди его ребер.

– Морское чудовище... – произнесла она, чуть помолчав.

Другой человек из хора вышел вперед, и пение возобновилось. Патрик Лис указал на ближайшее окно. Теперь, когда она больше не сидела рядом, ему пришлось повысить голос.

– Судя по всему, это плато когда-то было морским дном. Горы были под водой. Не то чтобы я в это верил, но вот они – кости. Вот оно – небо. Что я знаю по большому счету? Все когда-то было чем-то другим.

Наверху Айрис отыскала умывальню. Ополоснув лицо, она стерла с него пот, грязь и пыль прошедшего дня. Она чувствовала, что от волос пахнет дымом, но не находила в себе сил смыть этот запах.

В комнате Флойд лежал на животе. Он даже не разделся. Оставил возле ее кровати горящую свечу. Глаза его были закрыты, но по неглубокому дыханию Айрис поняла, что

брат не спит. Она села, развязала жесткие шнурки, сняла ботинки, стянула носки, распустила волосы. Она переделалась в длинные панталоны и ночную рубашку, ощущая усталость даже при выполнении таких простых действий, а потом откинула одеяло и рухнула на подушку.

Но, хотя ее тело и разум устали, она не уснула. Она ворочалась под колючим шерстяным одеялом. Она смотрела в окно на резкий свет звезд, игравший на нависавших над домом костях. Она слушала влажный хрип в дыхании брата, потом встала, достала из его сумы банку и сказала ему повернуться.

Флойд втянул в себя воздух. С напряжением он повернулся на левый бок, нижняя половина его тела начала неловко подергиваться. С губ сорвался хриплый вскрик.

Айрис забралась на его кровать и села на голени брата, сжав ему ноги коленями. Задрав ему рубашку, она вынула руки из рукавов, не обращая внимания на то, как он вздрагивает от боли. Бросив рубашку на пол, она открыла банку и обмакнула два пальца в похожую на воск мазь, от которой пахло овцами. Потом начала втирать эту мазь в спину Флойда, вокруг места его застарелой травмы. Сначала она действовала нежно, кончиками пальцев, но постепенно стала давить все сильнее и сильнее, работая основаниями ладоней. Он терпел, морщась в подушку и время от времени постанывая.

Большую часть ночи трясущимися руками и онемевши-

ми пальцами Айрис продолжала давить и разминать брату спину, пока сведенная спазмом плоть не расслабилась, давая ему свободу, и он не обмяк. Дыхание его приобрело тяжелый сонный ритм, и Айрис встала с кровати, чтобы вытереть водянистые, блестящие руки о неровную темную стену.

2

Это было простейшее проклятие. Никакой магии, ничего потустороннего. Наложить проще простого, действует до конца жизни – отравленный подарок, вручаемый при рождении. Всего лишь имя – Реншоу...

* * *

Наутро Флойд встал с постели с острым ощущением появившейся цели. Его движения были стремительны, а тело – полно сил. Он оделся и посмотрел в окно, изучая ребра, видневшиеся в густом утреннем тумане, словно впервые увидел их.

Айрис боролась со светом до последнего, воевала с засаленным краем одеяла, сражалась с усталостью, резью в глазах и головной болью. Потом все равно встала и спустилась по лестнице, встретив Флойда в прихожей, где тот договаривался о завтраке с усачом – таким же бодрым и опрятным, словно тот одновременно и спал целую вечность, и вообще не ложился.

К тому моменту, когда Айрис подошла, их разговор уже закончился. Она проследовала за братом в столовую в другом конце зала с барной стойкой, где сидела прошлым вече-

ром. У дальней стены оранжевым пламенем пылал очаг. Люди сидели за небольшими столами и пили чай с маленькими булочками из ржаной муки. Некоторых из них Айрис узнала по прошлому вечеру, но охотников из хора среди них не было. Не было видно и Патрика Лиса, хотя она и убеждала себя, что специально его не высматривает. Над тарелками с завтраком и от дыхания поднимался пар, от которого запотели окна. Когда они с Флойдом сели за пустой столик, Айрис подумала было протереть стакан рукавом, но решила, что не стоит пачкать рубашку.

Мальчик принес им тарелку с булочками и чайник чая. Принявшись за еду, Айрис рассказала Флойдю то, что слышала накануне. Она сохранила все подробности о торфяном вине, о певцах-охотниках и о награде, но постаралась создать у Флойда впечатление, что источников этой информации было больше одного.

Флойд дожевывая откусил кусок булочки.

– Значит, это правда. Насчет награды.

– Похоже на то.

Флойд посмотрел на огонь, на блеклые утренние языки пламени.

– Так сколько человек, говоришь, убила эта Хмарь?

– Пять или шесть. – Айрис потянулась широким ножом к маслу.

Флойд задумался, не переставая жевать.

Айрис смотрела на него, пока ей это не надоело.

– Мы умеем охотиться, – наконец произнес брат.

– Кажется, тот южноамериканец тоже умел. Уверен, и остальные погибшие не были новичками. – Она заметила, что к щеке брата прилипла крошка. – Более вероятно, что это она будет охотиться на нас.

– Конечно, не помешает узнать побольше.

– У нас даже винтовки нет. – Айрис принялась с усилием намазывать масло на булочку.

– Раньше нас это не останавливало. – Флойд проглотил кусок булочки, вздохнул. – Думаю, можно поговорить с кем-нибудь из скотоводов. Может, они предложат нам другую работу.

– Ты боишься, – Айрис посмотрела ему в глаза.

Он задумался на мгновение, осмысливая ее слова. Потом улыбнулся.

– А ты – нет.

Остаток завтрака они почти не разговаривали, и Флойд ни словом не обмолвился о том, как она помогла ему этой ночью. Но Айрис обратила внимание, что, когда они вошли в зал, брат постарался, чтобы она села поближе к огню, и подбросил в очаг дров. Он налил ей чай и передал молоко. Когда у нее закончилось масло, сходил за добавкой. А заметив, как она щурится, пытаясь рассмотреть что-нибудь за окном, он встал и полой пальто стер конденсат, чтобы она могла отчетливо увидеть пасмурное утро, неясные блики на озере и легкий туман, стелющийся над водой.

В конюшне они встретили других постояльцев, готовившихся к отъезду. Пока Флойд ходил седлать лошадей, Айрис постаралась найти подход к одному из путников – пожилому сутулому мужчине с густыми жесткими бровями. Она сделала замечание о погоде, подпустила шпильку по поводу завтрака в «Маленьком приюте» и продолжала болтовню о том и о сем, пока мужчина со вздохом не начал отвечать.

Потом она разыскала Флойда, стоявшего за воротами конюшни и смотревшего вверх.

– Ближайшая овцеводческая ферма – к западу отсюда, – она погладила шею своей лошади и полезла в седло. – Хозяйина зовут Маклаверти.

Флойд не сводил глаз с костей.

– Похоже на грудную клетку.

– Представь себе.

Устроившись в седле, Айрис пустила лошадь рысью вокруг конюшни, пока не нашла узкую тропинку на запад. Флойд последовал за ней, не опуская головы.

Она думала, поездка окажется такой же, как накануне: яркой, суровой, полной откровений. Но тропа здесь была более проторенной. Вместо камней, льда и кочек их встретила жесткая трава, утоптанная тяжелыми копытами. Грязь, местами проглядывавшая среди зелени, была укрыта сверху де-

ревянными досками. Айрис предполагала, что и пейзаж вокруг них теперь стал другим, но он был закрыт пеленой тумана, который оказался гуще и держался дольше, чем в низинах и на побережье.

Единственным, что они увидели в то утро, была небольшая река, вдоль которой, похоже, и шла тропа. Обычно вид текущей воды вызывал у Айрис беспокойство, но эта речка, отливавшая сталью, несла свои воды неторопливо и с тихой целеустремленностью, наполняя Айрис спокойствием от шеи и до самых пяток, болтавшихся у боков лошади.

По пути Айрис поняла, что раскрашивает земли, скрытые туманом, историями, которые услышала прошлым вечером. Где-то неподалеку наверняка был вскрытый торфяник, влажные волокна которого перегоняют в вино. Пумы бродили во влажном тумане, охотники истекали кровью, а вокруг клубились облака. Целые груды древних костей сливались с окружающей белизной.

Наконец, вскоре после полудня туман начал рассеиваться. Сначала он исчез над рекой, разогнанный движением воздуха, который начал подниматься над поверхностью воды по мере того, как день становился теплее. Потом его неуклонное отступление продолжилось и на земле, открывая темно-зеленую траву полей, более упорядоченных, чем кочковатые просторы накануне. Над травой поднимались высокие деревья с бледными пятнами на стволах и запыленными голубоватыми листьями. Всегда по одному – ни единой купы,

ни единого леска. Вскоре стали различимы небольшие стада овец. Светло-серые с темными мордами овцы бродили вдалеке в сопровождении пастухов, которые не то не видели близнецов, не то предпочитали их не замечать. Здесь не встречались ни зайцы, ни кенгуру, ни птицы.

Когда слабое солнечное тепло разогнало остатки тумана, они смогли разглядеть край полей – опушку небольшого редкого леса, упиравшегося в крутые горы, более высокие и суровые, чем те, которые они видели накануне. Покрытые снегом и льдом, с огромными серыми пятнами скал ближе к вершинам, горы тянулись по горизонту с севера, юга и запада, окружая долину, выбраться из которой можно было только тем путем, каким в нее въехал.

Айрис и Флойд ели прямо в седле, останавливаясь только для того, чтобы напоить лошадей. Теперь им была отчетливо видна каждая деталь ландшафта. Река, поля, далекие деревья, обширные пастбища – они были повсюду, куда ни глянь. Мысли Айрис наконец отвлеклись от торфяного вина, пум и ископаемых. В этой земле она снова ощутила пустоту, но если вчерашний день на каменистой равнине принес ей ощущение свободы, то теперь массивные горы, обрамлявшие их путь, давили, заставляя почувствовать себя ничтожным. Но это не походило на клаустрофобию. Ехать здесь было приятно, словно Айрис постепенно открывала для себя верную дорогу – свою дорогу через старый мир.

Около трех часов Флойд свистнул. Айрис, не сводившая

глаз с той линии, где горные вершины встречались с небом, обернулась и увидела, что он показывает на тропу, отходящую в сторону от их пути. Откуда-то с той стороны поднимался тонкий столб дыма. Айрис снова почувствовала, что упускает детали, которые замечает ее брат, и невольно повела плечами, показывая ему, что вовсе не устала сидеть в седле, и повернула лошадь назад.

Проехав по тропинке, они вскоре увидели чье-то жилище: внушительный двухэтажный дом из песчаника, который выглядел инородно на фоне далекой стены из льда и камня. От полей его отделяли аккуратные деревянные изгороди. Высокие окна на верхнем этаже выходили на небольшие балконы, как будто созданные для размещения дозорных или стрелков.

Дымок, который они заметили с тропы, поднимался над костром рядом с домом. Айрис и Флloyd направились к нему, по опыту зная, что там их ждет более теплый прием, чем у парадной двери. Приблизившись, они разглядели, что пламя лижет груды белых ветвей, сложенных шалашом над несколькими охапками пылающей коры.

За костром наблюдал тощий парнишка. Все его тело, казалось, состояло из углов. Кожа да кости. У его ног рядом с ржавой металлической треногой стоял большой котел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.